

A photograph of a bonfire at night. The fire is bright and intense, with a large plume of sparks and embers rising from the center. The background is dark, making the fire stand out. The overall mood is warm and celebratory.

Третьяк Мария

СЛОВО
ИЗ ШЕСТИ
БУКВ

6+

Мария Викторовна Третьяк

Слово из шести букв

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67894392

SelfPub; 2022

Аннотация

Детство Наташи и её младшего брата Тима выпало на военные годы. Им, как и многим детям войны, судьба подготовила суровое испытание – выжить, не смотря ни на что. Но как, если фашисты захватили их деревню? Смертельное кольцо всё туже завязывается вокруг главных героев и только неслыханная удача может спасти их от страшного слова из шести букв...

Мария Третьяк

Слово из шести букв

Пожар за рекой всё ярче, кольцо вокруг всё туже, и на всех знакомых лицах: между бабушкиными морщинами, на папиной жёсткой щеке, и даже у мамочки на пальчике – уже видно *это* слово. Большое и страшное слово из пяти... нет, шести чёрных и злых букв. Я не знаю, почему я его вижу, его видят все. Оно написано у всех на лице, рядом с ужасом, который всегда вместе с *этим* словом. Я уже сама боюсь посмотреть в зеркало – только бы не увидеть *его*, заплетённое в косе, или написанное между бровей.

Немцы сказали нам собраться во дворе у нашего председателя. Я не знаю зачем.

– Тим, иди ко мне!

Мы идём медленно, меня держит папа, а я – Тима. Перед нами прошёл толстый солдат с винтовкой. Папа вдруг дёрнул меня за руку и толкнул с дороги:

– Бегите в лес!

– Папа...

– Сейчас! Быстро!

Маленькие пальчики Тима выскользывают из моих рук, но мы бежим не оборачиваясь, прямо к тому дальнему холму. Там нас никто не найдёт. Сзади раздались немецкие команды и крики людей, как будто они не люди, а голодные

звери, и сейчас нас съедят.

Мамочки, нас что, увидели?!

Я дёрнула Тима за ручку, и мы вдвоем покатались за большой куст сирени. Когда-то мы прятались тут от родителей, когда ходили в лес за ягодами. У нас была такая игра: кто последний добежит до этого кустика – несёт всю корзину с ягодами домой. Последний всегда прибегал Тим, но мама жалилась над ним, потому что ему всего три, а мне уже целых девять.

Тим начал плакать и колотить меня по самой голове. Глупый, не понимает, что нас могут услышать! Чьи-то знакомые голоса... Мамочка! Мама! Зачем эти немцы заталкивают тебя в сарай? Папа, папа, помоги ей!..

Вот захлопнули дверь и заперли на замок. Высокий немец подошёл к стене и написал на ней какое-то слово. Наверное, это и есть *то самое* слово из шести букв: другого они писать не умеют.

Толстый солдат тербит что-то между своих пальцев и у него явно ничего не получается, потому что мешает винтовка на плече. Сейчас он её снимет и продолжит тербить. Он громко ругается и выбрасывает какие-то грубые немецкие слова на своих товарищей, которые хохочут над ним. Высокий немец прикрикнул, подошёл к толстому и отобрал у него маленький коробок. Секунда – и на спичке огонь.

Они же сейчас всех сожгут! И маму, и папу и тётю Надю... Тима бежим, бежим отсюда скорее. Мамочка, мама!

Но Тимофей, кажется, не понимает, что происходит. Я уже встала с земли и подняла его, как вдруг он вскрикнул:

– Наташа, смотри, Ваня!

Где? Он бежит сюда? Ванька – мой лучший друг – как ты вылез из этого сарая? Теперь мы пойдем втроём, прямо в лес, нас никто никогда не найдёт, беги к нам, скорее...

Но тут – выстрел, и Ваня... падает.

***

Колючие ветки путаются под ногами, шлёпают по лицу, царапают Тимкины щёки, и всё кажется, что этот толстый с винтовкой бежит за нами, чтобы схватить и тоже сжечь... Сколько ещё бежать?... Господи...

Вдруг сзади хруст. Я оглянулась – чаща.

Начало темнеть, и мне пришлось взять Тима на руки. В правом боку что-то ужасно ломит. Проклятые немцы!

Я посадила Тимофея под большое ветхое дерево – кажется, это клен – и упала рядом с ним. Перед глазами плавает фигура высокого солдата, бросающего факел в сарай, винтовка толстого, смех и крики, Тимина рука, щека и левый глаз, моя мама там... Пусти, пусти меня! Мама! Беги оттуда, они убьют тебя! Поднимается Ваня и падает прямо на меня. Тима-а-а, где ты?..

А он сидит рядом и трясёт меня за грязный рукав моего платья.

– Наташа, проснись, Наташа! Мне страшно, там... кто-то сидит. Это папа, Наташа, смотри!

Я тут же вскочила и начала всматриваться в бездонную темноту – все мертво. Лес мёртв, ночь мертва, папа...

– Не бойся Тим, это птичка спрыгнула с ветки.

***

Утро раскрашивает небо в яркий оранжево-розовый цвет. Это уже третье утро, когда я пытаюсь найти что-то более существенное, чем горстка малины.

Над головой, разрезая утреннее небо своими острыми, как папина бритва, крыльями, летит косяк журавлей. Это странно, ведь сейчас не сентябрь. Наверное, они тоже бегут, но не от солдата с винтовкой, а от Бабы Яги.

Деревья встают непроходимой стеной так, что приходится изворачиваться, чтобы иголки не били по глазам. Мне кажется, у меня весь нос в крови – я вчера больно упала: просто подумала, где сейчас моя мама?..

Всё, не могу больше! Я упала на колени и обхватила руками липкий сосновый ствол. Из глаз вдруг потекли слёзы – всё, больше не могу!

– Наташа вставай! Смотри, Наташа, это же поле.

Тим просто не хочет видеть слёз, он их не любит... Но, кажется, там... действительно кончаются деревья.

– Туда, Тим, скорее...

***

На порог ветхого, покосившегося домика старой санитарки упали двое изнемождённых, испуганных детей – мальчик

и девочка, чудом убежавшие от толстого человека с винтовкой, от его высокого помощника и от страшного, чёрного слова из шести букв: смерть.